Any commercial organisation aims to maximise the profit it makes [9, с. 132].

3) синтаксическая компрессия с деепричастными оборотами, выраженными неличной формой глагола *Participle II (Ved/V3)*:

A steeply inclined weak layer, ***when etched out by erosion***, produces a straight shallow depression [8, с. 96].

2) синтаксическая компрессия с вводными словами, выраженными наречиями:

Structurally walls carry out the same function as columns, that is, they transmit loads downwards [9, с. 10].

Выше перечисленные синтаксические средства структурируют лексическое наполнение высказывания, что придает всему тексту логичность, четкость, связность и интенциональность.

Таким образом, научно-учебный текст, являясь текстом-сообщением, призван вызывать изменения в системе знаний адресата. Любая трансформация ментальных структур происходит через использование языковой системы, поскольку результаты мыслительной деятельности нуждаются в вербализации и сообщении целевой аудитории. Способы и средства речевого выражения информации влияют на восприятие адресата. Правильное понимание информации ведет к ее усвоению, т. е. к выполнению целей и задач процесса обучения.

1. Буре Н. А., Быстрых М.В., Вишнякова С.А. Основы научной речи: учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова и др.; Под ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. – 144с.
3. Курбасова И.А. Английский язык для технических вузов (транспорт, строительство, связь): учеб. / И.А. Курбасова, Е.И. Силантьева, И.Н. Слободская. – М.: Высшая шк., 1988. – 304 с.
4. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. – М., 1985. – 128 с.
5. Свойкин К.Б. Диалогика научного текста: курс лекций // К.Б. Свойкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 146с.
6. Frey S. Railway electrification systems and engineering. – White Word Publications, 2012. – 145 p.
7. Halliday M.A.K. The language of science. Volume 5 in the Collected Works of M.A.K. Halliday. Ed. by Jonathan J. Webster. – London. New York: Continuum, 2004. – 268 p.
8. McLean A.C., Gribble C.D. Geology for civil engineers. – 2-d ed., E & FN Spon, 1985. – 333 p.
9. Narayanan R.S., Beeby A.W. Introduction to design for civil engineers. – Spon Press, London and New York, 2001. – 196 p.
10. Steven D. Understanding the language of science. Austin: The University of Texas Press, 2003. – 262 p.

Хашиева П.А.

Нравственно-экологический ракурс мотива будущего в творчестве Б.Л.

Пастернака 20-30-х годов

*ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
(Россия, Магас)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-113

idsp: 000001:lj-10-2018-113

Аннотация

В статье рассматриваются литературные и биографические факторы, оказавшие влияние на формирование в творчестве Б.Л. Пастернака 1920–1930-х годов мотива будущего. Прослеживание того, как Пастернак следовал традиции русской литературной классики, демонстрирует особенности творческой эволюции великого художника и помогают более четко определить его эстетическую и гражданскую позицию в непростое для истории отечественной культуры время. Большой художник не мог смириться с большевистским пустословием, фразерством и выпендривом

риторикой советских лозунгов о строительстве «нового, светлого будущего». Мысль о необходимости нравственно-экологической защиты грядущего своей Родины пронизывает творчество Б.Л. Пастернака в рассматриваемый период.

Ключевые слова: художественно-литературный дискурс, литературная традиция, Пастернак, мотив будущего, нравственная экология.

Творческие искания Б.Л. Пастернака являются вершиной культурно-эстетического русского художественно-литературного дискурса, занимая в его культурно-эстетическом пространстве одно из ведущих мест [13]. Для отечественной художественной картины мира [2; 3; 4 и др.] первых послереволюционных десятилетий XX века характерен повышенный интерес к будущему тех нравственных ценностей, которые всегда определяли и определяют *экологию человеческой души*. Между тем в это время, в очередной раз, будущее отечественной культуры, духовности, нравственной экологии оказалось под угрозой уничтожения беспощадного и слепого Молоха революции. Современная российская история убедительно доказала, что художественно-просветительская деятельность Б.Л. Пастернака представляется необычайно ценной для потомков именно благодаря принципиальной эстетической позиции художника, оказавшегося в одиночестве, окруженного фарисейством и ложью, но мужественно защищающего высшие – от Бога! - нравственные ценности, наследующего гуманистические традиции великой русской классики.

Следование заветам классиков (в частности, Пушкина, Бальзака, Диккенса, Достоевского и др.) становится у Пастернака уже начиная с середины 1920-х мощным средством противодействия идеологизации культуры и литературы, потере ею статуса высокого искусства, подчинения утилитарным вульгарно-социологическим установкам новой власти (он – как и А.А. Ахматова: «Не с теми я, кто бросил землю// На растерзание врагам...»). Этический императив Пастернака очевиден и полностью определяется заветом Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровище на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» [Мф. 6: 19–21]. Это своеобразная этическая программа жизни в настоящем, обращенной к будущему. Всегда «живущий не тем, что сделано, а тем, что предстоит сделать, Борис Пастернак не собирал архива и уничтожал свои черновики (в частности, и романа «Спекторский» - П.Х.). Свое отношение к бумагам он основывал на вере в бессмертие человеческого духа» [9, 7, с. 206].

Раздумывая о будущем и требованиях, предъявляемых временем, Пастернак обращался к опыту и ценностям истории, чтобы через их понимание и усвоение органично продолжить культурную традицию. Самоопределением объективно обозначались сила и расстояние отталкивания от советских литературных и политических нравов. Пастернак писал 13 мая 1929 года В.С. Познеру, что «не искусство, но *время* выкатило <...> дилемму: страдать ли без иллюзий или преуспевать, обманываясь и обманывая других» [8, VIII, с. 326]. Лицемерие времени и то, как преподносились результаты революционной ломки («воспитания временем» – так «закаляется сталь»), вызывали у поэта во многих произведениях конца 1920-х годов глубокие и меткие характеристики, запечатлевавшие происходившее. См. комментарии к этим произведениям в книгах: [11; 12].

Уже в 1921 году поэт имел «обвинения времени формулятивные, продуманные» (из письма, написанного летом 1921 года к В.П. Полонскому) [8, VII, с. 371]. Позже, в романе «Доктор Живаго» заглавный герой выскажет в варыкинском дневнике одно из главных обвинений послереволюционному времени: «Что же мешает мне служить, лечить и писать? Я думаю, не лишения и скитания, не неустойчивость и частые

перемены, а господствующий в наши дни дух трескучей фразы, получивший такое распространение, – вот это самое: заря грядущего, построение нового мира, светочи человечества. Послушать это, и поначалу кажется, – какая широта фантазии, какое богатство! А на деле оно именно и высокопарно по недостатку дарования» [8, IV, с. 284]. В.П. Полонский в статье «Б. Пастернак. 4-я книга стихов» писал: «Он значителен еще тем, что весь в будущем, но его нельзя ни в коем случае назвать классиком, и каждое новое стихотворение его – новый шаг вперед» [7, с. 687]. Разрыв с временем был мучителен для Пастернака, и он искал сближения, свидетельством чему книга стихов «Второе рождение» (1932), в которой поэт стремился, в частности, понять психологию «нового», идеологизированного человека, найти точки соприкосновения с новым социальным строем, желал «... труда со всеми сообща / И заодно с праворядком» [9, II, с. 86]. «Общение с Полонским и Черняком – “людьми революции”, как называл их Пастернак, глубоко сказалось на формировании его отношения к действительности того времени», – отмечают Е.Б. и Е.В. Пастернаки [7, с. 684].

История в представлении Пастернака не может твориться путем отмены «старой» и введения «новой». Она органически и неотменяемо продолжается, оставляя в прошлом «быль», «предание» и вновь актуализируя их. «Быль» у Пастернака – не механическое событие. Это – отпечаток и проявление в жизни духа времени. И только причастность к нему приобщает художника к истории, и он что-то значит для будущих поколений наряду с его предшественниками. Отпечаток духа времени появляется во мгновении, которое является парадоксально тождественным вечности, и которым время испытывается на историческую значимость. Мотив будущего, формировавшийся в творчестве Пастернака на протяжении конца 1910-х – 1920-х годов, можно охарактеризовать несколькими смысловыми комплексами или представлениями, регулярно проявляющимися в художественном мире поэта. Это: 1) мера органического соответствия человека или события – «были», состоявшейся в христиански понимаемой истории, отношение к преданию; 2) счеты с «эпохой роковой»; 3) отношение к традиции – предшествующей и современной литературе. Раздумья поэта о будущем были связаны с поиском устойчивой культурной почвы, которая позволила бы, укрепившись в притяжениях и отталкиваниях, реализоваться, как написал он в стихотворении «Во всем мне хочется дойти» (1956), «До оснований, до корней, / До сердцевины» [8, II, с.148]. Но на уровне объективации Пастернаком собственного внутреннего мира это было подытожено раньше, в первом стихотворении цикла «Художник» (1936): «С кем протекли его боренья? / С самим собой, с самим собой» [8, II, с.90].

В первые же послереволюционные годы, во время гражданской войны, как резюмировал повествователь (= заглавный герой) «Доктора Живаго», «время оправдало старинное изречение: человек человеку волк» [8, IV, с.375]. К 1930-м годам Пастернак столкнулся с необходимостью решать вопрос выбора языка для общения с эпохой. Как писал он 29 сентября 1930 года С.Д. Спасскому, ранее «этот выбор направлялся жизнью, а теперь он произволен. Ни общего языка, ни чего бы то ни было другого современная жизнь лирику не подсказывает. Она его только терпит, он как-то экстерриториален в ней. <...> Общий тон выраженья вытекает теперь не из *восприимчивости* лирика, не из преобладанья одного рода *реальных* впечатлений над каким-нибудь другим, а решается им самим почти как нравственный вопрос» [8, VIII, с. 450–451].

Взаимоотношения с эпохой для Пастернака на протяжении его жизни находились в корреляции с межличностными отношениями в социуме и с его отношениями с женщинами – И.Д. Высоцкой, Е.А. Виноград, Е.В. Лурье, З.Н. Нейгауз, О.В. Ивинской. Эти планы – социально-исторический и личностный почти всегда

взаимосвязаны и тождественны по силе накала страсти и важности разрешаемых проблем. Одной из самых ярких иллюстраций может послужить заключительное, девятое стихотворение из цикла «Разрыв» (1919) «Рояль дрожащий пену с губ оближет», полное глубокого трагизма и внутреннего надрыва. Его подробный разбор предпринят А.К. Жолковским в статье «При музыке: “Разрыв. 9” и его интертекстуальный аккомпанемент» [5, 425–442]. Главная буря происходит в душе, которая расстается с иллюзиями и предстает как будто ослабленной и беззащитной, но очищенной и способной к быстрому самосовершенствованию, потенциально сильной, готовой к самопожертвованию и тем самым – побеждающей мир дисгармонии, с которым шла борьба. Выход из «разрыва» – к познанию объективной истины в соответствии с природой собственной личности. Преодоление инородной духовной сущности с трудом, но происходит, поскольку лирический субъект осознает свою систему ценностей и находит – во избежание внутреннего нежелательного перерождения – силы к сохранению своего духовного мира. Внимание устремляется на рубеж, до которого спасение и полноценная жизнь еще возможны. Решающий аргумент содержат последние строки стихотворения: «А в наши дни воздух пахнет смертью: / Открыть окно, что жилы отворить» [8, I, с.186]. Слова героини, к которой обращено стихотворение, вызывают у лирического субъекта ответ «аккордами», подразумевающими, что все давно уже сказано, слова излишни.

Важно проследить механизм порыва Пастернака в будущее. Как пишет Д.С. Лихачев, у Пастернака в паре «объект и сравнение» выступает сначала сравнение в роле объекта, а затем объект в роли сравнения. При этом действие вторых смыслов (обычно многозначного) слова идет первым планом, за счет чего происходит рывок в будущее, и лишь для удержания смысловой включенности в понятную читателю настоящего действительность происходит постоянное его возвращение к сравниваемому. Это возвращение, тем не менее, гораздо слабее силового порыва, спешки захвата еще до конца не установившихся новых отношений с миром.

Формирование к концу 1920-х – началу 1930-х годов (времени написания стихотворений, вошедших во «Второе рождение») устойчивого мотива будущего, а также конструктивной функции, которую он принимал на себя, требовали подчинения логике своего движения всего поэтического мира, отношений с прошлым и настоящим и, следовательно, отражались на его внутренней структуре. В этой связи М.М. Бахтин писал: «Смысловое будущее враждебно настоящему и прошлому как бессмысленному, враждебно, как задание не-выполнению-еще, долженствование бытию, искупление греху. Ни один момент уже-наличности для меня самого не может стать самодовольным, уже оправданным; мое оправдание всегда в будущем, и это вечно противостоящее мне оправдание отменяет мое для меня прошлое и настоящее в их претензии на уже-наличность продолжительную... <...> Будущее осуществление не является для меня самого органическим продолжением, ростом моего прошлого и настоящего, венцом их, но существенным упразднением, отменой их, как нисходящая благодать не есть органический рост греховной природы человека. В другом – совершенствование (эстетическая категория), во мне – новое рождение» [1, с. 114].

Эти наблюдения способствуют более точному и полному пониманию того, почему Пастернак именно так – «Второе рождение» – назвал новую книгу. У поэта произошло осознание требования к себе: «вновь родиться», что означало одухотворяемость мира в настоящем и порыв в будущее.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества/ Сост. С.Г. Бочаров. Прим. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Буров А.А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. - 361 с.

3. Буров А.А. Речевая номинация и языковая картина мира (статья 1-я) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2007. - № 1-2. - С. 57-66.
4. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. - 305 с.
5. Жолковский А.К. Поэтика Пастернака. Инварианты, структуры, интертексты. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 608 с.
6. Литературное наследство. Том 93. Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования / Литературное наследство (коллектив авторов). – М.: Наука, 1983. – 760 с.
7. Пастернак Б.Л. Избранное в двух томах. Составление, подготовка текста и комментарии Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака. Вступительная статья Д.С. Лихачева. – М.: Художественная литература, 1985.
8. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В одиннадцати томах. Составление и комментарии Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2003–2005.
9. Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В. Предисловие к переписке Б.Л. Пастернака и О.М. Фрейденберг // «Дружба народов». - 1988. – № 7–10.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Издание четвертое. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977–1979.
11. Сергеева-Клятис А.Ю., Лекманов О.А. «Высокая болезнь» Бориса Пастернака. Две редакции поэмы. Комментарий. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 172 с.
12. «Спекторский» Бориса Пастернака: Замысел и реализация. Составление, вступительная статья и комментарии А.Ю. Сергеевой-Клятис. – М.: Совпадение, 2007. – 231 с.
13. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык. - Белгород, 2009. - 407 с.

Царева Н.А.

Декомпрессия номинация в идиостиле Б.Л. Пастернака: от слова – к фразе

*ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
(Россия, Пятигорск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-114

idsp: 000001:lj-10-2018-114

Аннотация

Статья посвящена анализу одного из ярких свойств идиостиля великого русского поэта Б. Пастернака – употреблению синтаксических наименований, способствующих выражению индивидуально ощущаемых фрагментов авторской картины мира. Включение в описательное обозначение придаточных нерасчлененного типа сложноподчиненного предложения позволяет поэту за счет декомпрессии лексического наименования решать задачи эстетического осмысления номинации индивидуально ощущаемых образов, рождающихся в сознании.

Ключевые слова: когнитивная семантика, номинация, внутренняя форма, декомпрессия лексического обозначения, синтаксическое наименование.

Для русской художественной языковой картины мира XX века характерна яркая тенденция к антропогенности – проявлению ярких творческих языковых личностей, в произведениях которых отчетливо прослеживается стремление к когниолингвистической индивидуализации [3, с. 58]. Прежде всего это Б.Л. Пастернак, чей идиостиль – явление поистине уникальное. Феномен этого великого художника слова заключается, на наш взгляд, в том, что он, утверждая вслед за Пушкиным высокий статус Искусства как Пророчества, обладал уникальной способностью к восприятию времени как Вечности, заключенной в субстанции конкретного мгновения земного бытия, насыщенного всем, что дарует человеку реальный мир. Диалог «Художник – Время», ставший ведущим в классической русской поэзии XIX – XX веков, у Пастернака обретает форму глобального вселенского пророческого полилога со Временем и Пространством, обнажающего, вскрывающего не просто суть вещей, но и динамику их связи с человеком. В центре идиостиля поэта – семантика познания